

Бениамин Маркович Блюменфельд

Страны:	 Российская империя СССР
Дата рождения:	24 мая 1884
Место рождения:	Вилковишки, Сувалкская губерния
Дата смерти:	5 марта 1947 (62 года)
Место смерти:	Москва
Звание:	Мастер (1906)

Бениамин Маркович Блюменфельд (24 мая 1884, Вилковишки, Сувалкская губерния – 5 марта 1947, Москва) – шахматист, шахматный теоретик и литератор.

Биография

По профессии юрист, кандидат педагогических наук. Изучал право в университетах [Берлина](#) и [Москвы](#).

В 4-м Всероссийском турнире (1905–1906) разделил 2-3-е место (звание мастера). Успешно выступал в московских дореволюционных соревнованиях. На Олимпиаде 1920 занял 8-е м.; в чемпионате

Москвы (1925) – 2-3-е; в турнирах московских мастеров – 3-е (1930) и 5-е места (1934).

Внёс значительный вклад в теорию дебютов: его именем назван **гамбит**(1.d4 Kf6 2.c4 c5 3.d5 e6 4.Kf3 b5); его идеи использованы в современном **волжском гамбите**, новые продолжения – в меранском варианте **ферзевого гамбита**, **шотландской партии** и в других дебютах. Одним из первых в СССР Блюменфельд изучал психологию шахматной борьбы; автор ряда статей по этой теме и кандидатской диссертации: «Проблемы наглядно-действенного мышления на базе шахматного материала» (1945).

Спортивные достижения

Год	Наименование соревнования	+	-	=	Очки	Место
1905/06	4-й Всероссийский турнир	12	3	2	12 из 16	2-3
1907	Московский турнир				из	2-3
1920	Москва, Всероссийская шахматная олимпиада	4	3	8	8 из 15	8
1925	Чемпионат Москвы				из	2-3

Книги

- Роль эндшпиля в шахматной партии, [Л.], 1929;
- Матч Алехин – Боголюбов на первенство мира, [М.], 1931 (редактор);
- Комбинация в шахматной партии, М., 1938.

Литература

- Шахматный словарь / гл. ред. [Л. Я. Абрамов](#); сост. [Г. М. Гейлер](#). – М.: [Физкультура и спорт](#), 1964. – С. 200. –120 000 экз.
- Шахматы : энциклопедический словарь / гл. ред. [А. Е. Карпов](#). – М.: [Советская энциклопедия](#), 1990. – С. 40–41. – 624 с. – 100 000 экз. – [ISBN 5-85270-005-3](#).
- *Чистяков А.* Многогранность таланта. // «64 – Шахматное обозрение». – 1984. – № 10. – С. 13–15.

Ссылки

- Партии [Бениамина Блюменфельда](#) в базе *Chessgames*
- [Личная карточка Бениамина Блюменфельда](#) на сайте [365chess.com](#)

Benjamin Markovich Blumenfeld

Number of games in database: 17

Years covered: 1903 to 1931

Overall record: +9 -7 =1 (55.9%)*

* Overall winning percentage = (wins+draws/2) / total games
Based on games in the database; may be incomplete.

Most played openings

[C45](#) Scotch Game (3 games)

[D02](#) Queen's Pawn Game (2 games)

[Search Sacrifice Explorer](#) for Benjamin Markovich Blumenfeld
[Search Google](#) for Benjamin Markovich Blumenfeld

**BENJAMIN
MARKOVICH
BLUMENFELD**
(born May-24-
1884, died
Mar-05-1947,
62 years old)
Russia

[Benjamin Markovich Blumenfeld was one of the best players in Moscow between the First and Second World Wars. He studied law at Moscow and Berlin Universities before devoting himself to chess. He later became a student of chess psychology. Blumenfeld received his doctorate for a thesis on the nature of blunders in chess. He is now best remembered for his theoretical contributions to openings, particularly the Blumenfeld Counter-Gambit*. 1.d4 ♗f6 2.c4 e6 3. ♗f3 c5 4.d5 b5.

Из воспоминаний старого мастера

Бениамин Блюменфельд

Познакомившись в раннем детстве с шахматами, я, в возрасте 12 лет, впервые заинтересовался шахматным отделом в газете «Новости». Примечания были для меня мало понятны. Сильнее всего меня смущал дебют, в то время, главным образом, «испанская». Мне было непонятно, почему после 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 белые играют 3. Cb5, если затем в ответ на аб они не меняются, а позорно отступают 4. Ca4. Недоумение мое было почти столь же значительно, как тогда, когда я, в возрасте 5 лет, прочел в библии, что Мафусаил прожил без малого тысячу лет. Я спросил меламеда (учителя), почему о нем написали только две строчки, а о других, которые меньше жили, написали много. Меламед разрешил мое сомнение, ударив меня линейкой по руке. Сомнение мое с «испанской» было разрешено более безболезненно. Я решил, что это «нарочно» как говорят дети, и перестал смотреть отдел.. Спустя год мне подарили первую шахматную книгу – руководство Дюффрени. Больше всего меня

привлекали диаграммы с эффектными комбинациями. Вообще, я нахожу, что шахматные книги (и периодические органы) должны быть обильно и разумно снабжены диаграммами.

Кроме комбинаций, я заинтересовался также концами, поскольку в них находил ответы на вопросы, возникавшие в практической игре. Хуже было с дебютом. В упомянутой книге, разбор дебютов начинается с итальянской, которую я кое-как одолел, но затем идет гамбит Эванса (1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. b4).

Я никак не мог понять, почему вдруг отдается пешка. Может быть, в книге и было объяснено, что это делается с целью выигрыша темпа (c2–c3) для завоевания центра, но такие общие определения еще не были мне доступны. Я опять решил, что это «нарочно» и на этом закончил изучение дебюта.

Несколько я продвинулся в понимании дебюта после участия в местном турнире в г. Либаве в 1901 г. Мне было тогда 17 лет. Я глубоко переживал каждую игранную мной партию. Обратите внимание, что Блюменфельд переживал «каждую игранную партию». Можно сделать вывод, что переживания – это вполне нормально для шахматистов. Через год я уехал учиться в Берлин, где по-настоящему уже окунулся в шахматную жизнь. Особенно процветали шахматисты в кофейной Kaiserhof. Кроме профессионалов и любителей, кофейню посещали известные мастера. Бывал там также чемпион мира Эм. Ласкер.

Иногда он рассматривал какую-либо партию или позицию с другими мастерами. Это было очень интересно и поучительно. Юмористический характер принимали партии его с неким Л., который ничего не понимал в игре, но обожал шахматы и хотел играть только с Эм. Ласкером. «В его игре чувствуется класс», – говорил он. И действительно, Ласкер проявлял класс, разыгрывая, например, дебют за белых следующим образом: 1. e3 2. Ke2 3. Kg3 4. Лg1 5. Kh1 Ладья и конь, таким образом, менялись своим местами. Потом производилась аналогичная перегруппировка другими фигурами, так что ходов через 20–25 у Ласкера все фигуры были на первой

горизонталю, но на непривычных местах, в результате чего возникло ряд забавных недоразумений. Для вящей потехи Лескер каждый ход сопровождал глубокомысленными стратегическим или философским рассуждением, притом с самым серьезным видом. Эта игра между лучшим и, вероятно, худшим шахматистом мира привлекала всегда многочисленных зрителей и вызывала всеобщий смех.

Иногда кофейни в рекламных целях организовывали шахматные мероприятия. Известная кофейня Керкау пригласила на сеанс «вслепую» знаменитого Пильсбери. Против Пильсбери были выставлены 45 сильнейших шахматистов Берлина, разбитых на 15 троек, игравших по консультации. О силе противников Пильсбери можно судить потому, что за одной из досок играли по консультации О. Бернштейн, Ланге и Гейльман. Внешность Пильсбери запомнилась мне смутно, он сидел в отдельной комнате, и я его видел только мельком. Помню, что вид у него был типично американский, и он постоянно курил. Несмотря на сильный состав, Пильсбери выиграл около половины партий. Я лично играл по консультации с Э.Коном и неким Лампертом, сильным первокатегорником, причем играли мы белыми, так как Пильсбери не захотел воспользоваться обычной привилегией сеансера и половину партий играл черными. Запись партии у меня не сохранилась, но начало я запомнил:

1. e4 e5 2. Kf3 Kf6 3. K : e5 d6 4. Kf3 K : e4 5. Kc3 K : c3 6. dc Ce7 7. Cd3 0–0 8. h4 (Рассчитывая заатаковать сеансера, игравшего вслепую) 8... Ле8 9. Ce3 Kd7 (Распорядитель, передававший этот ход Пильсбери, сказал нам, что он сопровождал его замечанием: «Пусть попробуют меня заматовать») 10. C:h7+ Kp:h7 11. Kg5+ C: g5 12. hg + Kpg8 13. Фh5 Kpf8 14. 0–0–0 Ле6 15. Cd4 c5 16. Фg4, и Пильсбери мог уже вынудить ничью, продолжая 16... Kpg8, но предпочел ответить 16.. .Фа5, несмотря на всю опасность положения. И действительно, в дальнейшем мы могли максимум добиться ничьей, но, играя на выигрыш, даже проиграли.

Помимо кофейен шахматная жизнь шла также по другому руслу – организованных шахматных обществ. Я скоро стал членом студенческого шахматного общества, возглавлявшегося Гейльманом.

сильным шахматистом и активным организатором, издававшим также студенческий шахматный орган «Akademische Schachblatter».

Гейльман по окончании университета занял видное место в рядах германской социал-демократии. Во время первой мировой войны он стал социал-шовинистом, что в дальнейшем с приходом к власти Гитлера не спасло его от концентрационного лагеря. О его печальной судьбе я узнал из книги «Болотные солдаты», в которой дается яркое описание фашистских застенков.

В шахматных обществах игра была серьезная. Организовывались турниры, матчи с другими обществами, происходили совместные анализы и т.п.

Благодаря студенческому обществу и лично Гейльману, я был допущен в чемпионат Берлина в 1903 г., где участвовали крупные силы, в частности мастера Каро, Кон, Бернштейн, Шпильман и др. Начал я турнир с нескольких проигрышей слабейшим участникам, но затем оправился и занял призовое (5-е) место.

Каждая партия была для меня новым уроком. В партии с Каро оказалось выгодным образование у меня строенных пешек на линии b», которые удерживали пешки «а», «b» и «с» противника, между тем, как на другом фланге у меня был пешечный перевес. В партии с Грегори наличие разноцветных слонов при тяжелых фигурах оказалось решающим фактором для успешной атаки, в интересах которой я пошел на жертву пешки. В партии со Шпильманом его конь оказался отрезанным, но попытки играть на его завоевание были бы бесцельны. В результате специфика положения подсказала мне правильный план – бросить все силы на другой фланг.

Вредно влияла на мою игру излишняя впечатлительность.

Привожу пример моей игры в этом турнире. Черными играл мастер Кон.

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. d4 ed 4. K : d4 Cc5 5. Ce3 Фf6 6. Kb5
(Сомнительная, но острая новинка) 6... С : e3 7. fe Фh4 (С целью

ослабить пункт h3, что в дальнейшем сказывается) 8. g3 Фd8 (Также хорошо и более острое 8.. .Ф : e4) 9. Фg4 Kpf8! (Слабо 9. . .g6) 10. Фf4 d6 11. Сс4 Ке5 12. 0–0 (В надежде на 12. ..Ch3 13. Ф:f7+ К : f7 14. Л: f7+ Кре8 15. К : c7+) 12... Kh6 (Имея в виду в дальнейшем добиться размена ферзей; проще 12. ..Kf6) 13. Сb3 Ch3 14 Кс3! (Безнадежно 14. Лf2 g5 15. Фf6 Ф : f6 и т. д., уходить же ладьей с линии «f» – значит лишиться всяких практических шансов) 14..С : f1 15. Л : f1 а6 16. Kd4 Фf6 17. Kd5 Ф : f4 18. Л : f4! (Отказываясь от соединения пешек, лишь бы сохранить открытую линию «f»; теперь белые грозят 19. Ке6+ Kpg8 20. Ке7X, чем и вызван последующий ответ черных) 18.. .Ксб 19. Ке6+ Kpg8 20. Ке:c7 Лс8 21.Ке6! Теперь после 21.. .fe 22. Ке7+ К : e7 23 С : e6+ Kf7 24. Л : f7 белые останутся в конце концов с материальным перевесом.

После Берлинского турнира я забросил было игру и переехал учиться в Гейдельберг. Однако через полгода, проезжая через Берлин, я снова там застрял и еще больше прежнего отдался шахматам. Обычными моими партнерами в полусерьезных партиях были Бернштейм, Шпильман и Нимцович. С Бернштейном у меня был стандартный результат 2:1 в его пользу. Черными я проигрывал подавляющее большинство, белыми же я выигрывал не менее 50% партий. Со Шпильманом результат был равный. Белыми он играл королевский гамбит большей частью Альгайера. Игра со Шпильманом была полезна для выработки навыков защиты.

Знакомство мое с Нимцовичем мне памятно и поныне. Нас свел общий знакомый, расхваливший мне приезжего юношу, как блестящего математика и гениального шахматиста.

Познакомившись, мы тут же сели за доску. Нимцович пожертвовал фигуру, а затем предложил жертву другой. Я благоразумно отклонил вторую жертву, и без труда выиграл. Впечатление каждого из нас о своем партнере было одинаковое, а именно, что можно ему дать «лошадку» вперед. По молодости лет мы это друг другу высказали, что не помешало нам, однако, сблизиться. В дальнейших встречах я убедился, что Нимцович, действительно, представляет совершенно исключительное явление. Припоминается такой случай.

Как-то он вернулся домой (мы жили одно время вместе) под самое утро и разбудил меня, чтобы показать окончание только что игранных партий с Э. Коном.

Я очень рассердился, так как мне нужно было утром идти в университет, но когда я все-таки согласился посмотреть окончание, то весь гнев прошел: это действительно было что-то изумительнее; у него нехватало двух качеств, но этюдными ходами он добился выигрыша. Ни один шахматист не производил на меня непосредственно такого сильного впечатления глубиной и оригинальностью замыслов, как Нимцович, даже больше, чем впоследствии Алехин, которого я тоже хорошо знал с юношеских лет.

В конце 1905 г. я был приглашен в Петербург для участия в IV Всероссийском шахматном турнире.

В прекрасную морозную погоду я приехал в северную столицу. Настроение несколько омрачалось необходимостью позаботиться о ночлеге. Прямо с вокзала я поехал к Сабурову, важному чиновнику и шахматному меценату, который согласовывал «в сферах» вопрос о «праве жительства» евреев—участников турнира. Величественный швейцар объяснил мне, что «его превосходительство» встанет в 12 часов и после завтрака уедет в «Присутствие». Мне не хотелось дожидаться, и я ушел, решив, что вечером увижу его или его сына, известного шахматного энтузиаста, и тогда разрешится вопрос с ночлегом. Скитаясь в ожидании вечера по городу, я встретил земляка-студента, который, на всякий случай, дал мне адрес своего приятеля, где можно переночевать. Вечером в собрании было большое оживление в связи с предстоящим турниром. Обменивались впечатлениями о шахматной жизни в Петербурге и за границей, рассматривали интересные позиции. Время прошло незаметно. Поздно ночью стали прощаться. Сабуровых, как на грех, не было. Мне показалось унижительным сознаться перед новыми знакомыми в своем положении «беспризорного», и я решил пойти переночевать по данному мне адресу. И сейчас помню, как трепетало мое сердце, когда я шел по пустынным улицам города. На каждом перекрестке городской вызывал у меня тревожные мысли, так как стоит ему

только захотеть и он может меня отправить в участок как не имеющего «права жительство». И еще мучила беспокойная мысль, удастся ли проскочить мимо дворника, который в каждом доме обычно дежурил у ворот целую ночь напролет. Все обошлось. «Страж порядка» богатырски храпел у самой калитки. В квартиру меня пустили, не поинтересовавшись даже кто я.

Через несколько дней начался турнир. Среди участников его следует особо отметить корифеев Чигорина и Алапина и лодзинцев Сальве и Рубинштейна, считавшихся опаснейшими конкурентами Чигорина.

В первой партии мне пришлось встретиться с Сальве. Меня поразила его спокойная манера игры. Обдумав ход, он сначала записывал его и только затем уже делал на доске. Я тогда же оценил значение этого приема, помогающего избегать слишком поспешных ходов, но и до настоящего времени не могу заставить себя следовать ему на практике. Привожу начало этой партии, в которой я играл черными.

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Kc3 Kf6 4. Cg5 Cb4 5. e5 h6 6. ef hg 7. fg Лg8 8. Фh5 Фf6 9. Kf3? Ф:g7 10. 0–0–0. 10... Cd6! (Отказываясь от шаблонного 10... С : c3 и имея в виду использовать неудачное положение белого ферзя. Теперь грозит 11... Лh8 12. Фg4 f5 и т. д. Не спасает 11. Kpb1 g4 12. Ke5 Лh8 13. Ф : g4 С:e5) 11. Ke1 g4 12. f3 Kd7 (Привлекая новую фигуру для охоты на ферзя) 13. Фh4 Лh8 14. Ф: g4 Фh6+ 15. f4 (Нельзя 15. Kpb1 Kf6 16. Фh3 Фg7) 15... Ф : f4+ 16. Ф : f4 С : f4+ 17. Kpb1 Л:h2, и черные выиграли пешку, а затем, после интересной борьбы, и партию. По окончании партии Сальве стал спокойно разбирать ее, ничем не проявляя своего огорчения или неудовольствия. Редкий партнер! Следующие 5 партий я тоже выиграл и уже мнил себя первым призером. Помню разговор свой с Рубинштейном после 5-го тура. В этом туре Избинский, играя с Чигориным, подставил ферзя в остром положении и сдал партию, но уже после того, как у Чигорина оказалось просроченным время. Турнирный комитет засчитал партию проигранной Чигориным Чигорин заявил о своем несогласии с этим решением и вышел из турнира.

Большинство участников, в том числе и я, просили турнирный комитет пересмотреть свое решение. В связи с этим Рубинштейн заметил мне: «Чего вы хлопчете, ведь вам же выгоднее, чтобы выбыл такой опасный конкурент», на что я возразил: «Первый приз мало интересен без Чигорина. К тому же у меня против него белые, и выигрыш мне обеспечен». Отрезвление наступило после 7-го тура, когда я встретился с Рубинштейном. Привожу эту партию, в которой я играл черными.

1. d4 d5 2. Kf3 Kf6 3. e3 Cf5? 4. c4 e6 5. Фb3 Кс6? (В состоянии растерянности от плохого дебюта, я пускаюсь на ловушку 6. Ф:b7? Kb4 7. Ka3 Лb8 8. Ф : a7 Ла8 и т. д.; лучше было 5. ... Фс8) 6. с5! Лb8 7. Сb5 Се7 8. Ке5 0–0 9. С :с6 bc 10. К:с6! Л:b3 11. К: d8 Лb8 12. Кс6. и черные скоро сдались. Только после этого позорного проигрыша я осознал всю сложность защиты В ферзевом дебюте: для поддержания центра приходится играть e7–e6, но тогда запирается слон c8; если же выводить ферзевого слона до хода e7–e6, то получается еще хуже благодаря ослаблению пункта b7 и диагонали a4–e8. Несмотря на этот проигрыш, я еще некоторое время держался, но затем Проиграл острую партию Романовскому, старшему брату П. А. Романовского.

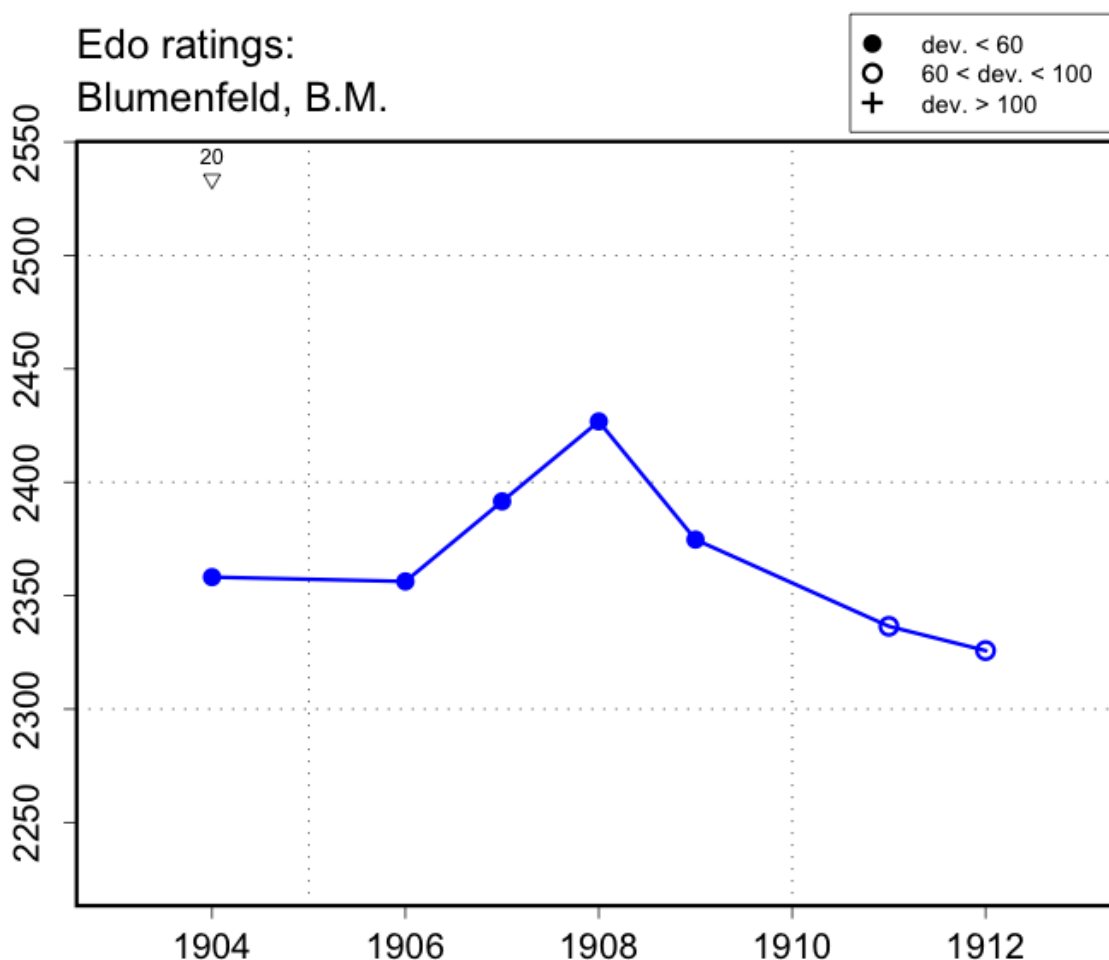
Окончательный же удар мне был нанесен Левитским. Этот исключительно одаренный шахматист шел неудачно в турнире. Однако, несмотря на свой спортивную незаинтересованность, он играл со мной превосходно, и перерыву достиг некоторого преимущества в эндшпиле с легкими фигурами, в котором при лучшей защите я мог, вероятно, добиться ничьей. Как раз во время получасового перерыва мне было передано письмо Бернштейна из Берлина, в котором он поздравлял меня с хорошим турнирным положением и, между прочим, предостерегал: «Бойтесь Левитского». Под влиянием этого предостережения я хотел предложить ему ничью, но когда вновь сел за игру, то раздумал. Дело в том, что Левитский страдал пристрастием к алкоголю, как и многие в то время талантливые люди, обреченные на жизнь в глухой провинции царской России. В партии со мной он еще до перерыва опустошил несколько бутылок пива. За время же перерыва весь довольно большой столик заполнился пустыми бутылками. Я решил, что в таком состоянии он

обязательно что-нибудь «зевнет», и стал избегать упрощений, Он, однако, не только не зевнул, а чрезвычайно тонко провел трудный эндшпиль; этот эндшпиль был потом напечатан в заграничной прессе, как прекрасный образец использования преимущества двух слонов.

Хотя результат турнира – дележ второго и третьего приза с Рубинштейном – и был для меня крупным успехом, но я был разочарован. Ясно было, что мне нужно серьезно заняться дебютом.

Через несколько месяцев после турнира я переехал в Москву, где затем поступил в университет, и шахматы временно отошли для меня на второй план.

Источник: «Шахматы в СССР» 1946 год

Ratings

Year	Rank	Edo	Dev.	Games
1904	84	2358	(53)	17
1905	89	2357	(51)	0
1906	91	2356	(42)	25
1907	61	2392	(46)	5
1908	43	2427	(44)	28
1909	80	2375	(55)	5
1910	92	2356	(67)	0
1911	106	2336	(76)	1
1912	103	2326	(84)	1

[Rating table notes](#)

Biographical data

Name: **Blumenfeld, Benjamin Markovich**

Born: 5 June 1884

Died: 5 Mar. 1947

References

Books

Di Felice, Chess Results, 1901-1920, page 301

Gaige, Chess Personalalia, page 43

Golombek, Golombek's Encyclopedia, page 34

Hooper and Whyld, Oxford Companion (1st ed.), page 39

Thulin, Name index to CTC, page 32

Winter, Chess Facts and Fables, page 52

Web

Sericano, C. [[Maestri di scacchi dal 1900 al 1944](#)]

Match data (f=formal; c=casual; s=soft)

[Alekhine, A.A. - Blumenfeld, B.M. 1908](#)

(f) 2 - 0

[Alekhine, A.A. - Blumenfeld, B.M. 1909](#)

(f) 4.5 - 0.5

Tournament data

[Berlin 1904 \(1\)](#)

Berlin Championship

11.5 / 17

[Saint Petersburg 1906 \(1\)](#)

4th All Russian Tournament

10 / 14

[Saint Petersburg 1906 \(2\)](#)

Saint Petersburg Tournament

1 / 11

[Moscow 1907 \(2\)](#)

Moscow Tournament

2.5 / 5

[Moscow 1908 \(1\)](#)

Moscow Club Autumn Tournament

13.5 / 14

[Moscow 1908 \(2\)](#)

Moscow City Championship

6.5 / 12

[Saint Petersburg or Moscow \(?\) 1911](#)

Saint Petersburg - Moscow Match

Blumenfeld, B.M. - [Freiman, S.N.](#) 0 - 1

[Moscow 1912](#)

Moscow - Saint Petersburg Team Match

Blumenfeld, B.M. - [Levenfish, G.Y.](#) 0.5 - 0.5

Б. БЛЮМЕНФЕЛЬД

О ЗРИТЕЛЬНОМ ВООБРАЖЕНИИ И ВАРИАНТНОМ РАСЧЕТЕ

Внимание шахматных теоретиков привлечено в первую очередь к изучению дебюта. Несомненно, знание дебюта играет большую роль в практической игре, но все-таки не решающую роль. Даже в последнем матче Алехин – Эйве, при всей громадной дебютной подготовке Эйве и при всех сомнительного свойства дебютных экспериментах Алехина, можно указать очень немного партий, в которых проигрыш явился бы результатом исключительно неудачного дебюта. Во всяком случае, в подавляющем большинстве партий на исход повлияли или могли повлиять допущенные ошибки или недостаточно углубленная игра в дальнейших стадиях игры со стороны одного из противников, а зачастую и обоих.

Отсюда вывод: исправление дефектов в процессе обдумывания имеет не меньшее значение, чем совершенное знание дебюта.

Выражая надежду, что шахматная пресса и шах-организации поставят вопрос об исследовательской работе в этом направлении, мы полагаем, что и соображения шахматистов-практиков о методах изживания ошибок и повышения качества шахматного мышления могут иметь значение хотя бы в качестве материала для будущих исследований.

Для первого опыта мы избрали настоящую тему.

Ход черных

В этом положении, получившемся в партии Блюменфельд–Живцов, игранный в полуфинале первенства г. Москвы, черные подставили слона, сыграв 1. ... Се4.

Этот зевок тем более поразил меня, что игра моего молодого противника в этой партии, как и вообще в турнире, произвела хорошее впечатление, он не был в цейтноте и сравнительно долго обдумывал свой ошибочный ход. Как я выяснил из разговора с ним после партии, он отверг продолжение 1. .. Ch3 (1... Сb7 2. Kg4.) 2. Ф : h3 Ф : е5 3. Ф : h6 Фе1+ 4. Л : е1 gh, и преимущество скорее на стороне белых, имеющих слона за коня при пешечном превосходстве на ферзевом фланге. Делая свой ход в партии, он считал, что слона нельзя взять в виду варианта 1. ... Се4 2. С : е4 Ф : е5 3. Ch7+ Кр : h7 4. Ф : е5 Kd3+ с отыгрышем ферзя, но он не заметил, что после 2. С : е4 атакована ладья а8.

На первый взгляд представляется непонятным, как это играющий черными в двух приведенных вариантах видел сравнительно далеко и в то же время не заметил совершенно ясного удара после первого же ответного хода белых.

Причина этой ошибки, насколько я могу судить по собственному опыту в аналогичных случаях, следующая: когда играющий черными рассчитывал 'вариант 1. ... Сe4 2. С : e4 и т. д., он в уме не опускал слона с2 на клетку e4, а как бы держал его навесу, устремленным к пункту h7, чтобы шахом со вскрышкой взять ферзя.

Мысленно движение слона с2 можно выразить так: слон с пункта с2 устремлен к пункту h7, где он опускается, причем сознаешь, что по дороге к h7 имеется остановка на пункте e4, но этой остановки на e4 зрительным воображением не делаешь. Подобные ошибки нередки в практической игре.

Особенно часто бывает, что, когда обдумываешь вариант, забываешь зрительным воображением передвинуть фигуру или снять размененную фигуру, соответствии со сделанным ходом, и фигура ошибочно остается в уме на первоначальном месте.

Следует отметить, что в большинстве случаев, подобные ошибки являются результатом не слабости зрительного воображения, а либо нервной спешки, либо же недостаточного волевого напряжения: лень, сделав мысленно ход, зафиксировать тут же изменение зрительным воображением, а зачастую даешь себе льготу, и делаешь ход в итоге разговора с собой, либо воспроизведением в уме нотации хода, либо же, хотя и пространственным движением в уме, но без твердой фиксации зрительным воображением положения после хода.

Другой пример.

Ход черных

Положение на диаграмме получилось в партии Сергеев–Блюменфельд, игранный в последнем туре того же турнира. Мне по турнирному положению достаточно было ничьей. Как известно, играть на ничью не так просто: стремление к упрощениям и боязнь осложнений влияют отрицательно.

В этом положении я сыграл 1. ... Kd4. На обдумывание хода я потратил свыше получаса, так как колебался, как продолжать: белые грозят ходом Ch6 разменять фианкетированного слона; тратить время на отвод ладьи f8, чтобы избежать размена, не интересно, тем более, что ладья при случае может пригодиться на линии f для поддержания движения f7 – f5; вообще, я находил, что у белых ясный план атаки на черную рокировку движением пешки f, а при случае и g, и не видел, что достаточно убедительно могу противопоставить. Не зная, на что решиться, я, чтобы отсрочить решение, сыграл 1. ... Kd4. Делая свой ход, я был убежден, что мой противник, ввиду угрозы K : f3+ с последующим Ke5 и т. д. с выигрышем пешки, ответит 2. Kph2, и про себя с тоской думал: как же я тогда буду продолжать, т. к. плохо 2. ... Фа5 3. Ch6 C : h6? 4. Ф : h6 K : c2? 5. Kg5 Kf6 6. Kd5. При этом я несколько раз возвращался к мысли: „обидно, что после 1. ... Kd4 2. Kph2 K : f3 + 3. C : f3 Ke5 4. Cg2 C : h3 он бьет королем (а не слоном) на h3 и ничего нельзя извлечь из экспонированного положения его короля".

В партии белые ответили (после 1. ... Kd4) 2. Kd1 в тут прошло целых 5 минут обдумывания, пока я увидел, что ходом 2. ... K : f3 + в т. д., я выигрываю пешку. Эти пять минут обдумывания прошли в колебаниях, какой план игры мне избрать, и так как ничего не выходило, то я, чтобы передохнуть от тягостных мыслей, вернулся к прежнему: „обидно, что после 2. ... K : f3 + 3. C : f3 Ke5 4. Cg2 C : h3 он бьет королем", и вдруг я увидел, что он не может бить королем, т. к. король ведь находится на g1, а не на h2.

Таким образом за эти 5 минут обдумывания у меня в уме его король был не на g1, где я мог бы его лицезреть непосредственным зрительным восприятием, а на h2, т. е. на том поле, куда я его передвинул зрительным воображением раньше, в

ожидании ответа противника. Вполне возможно, что если бы после хода белых 2. Kd1 я мог легко на что-нибудь решиться и не вернулся бы к мысли "обидно" и т. д., то я так и не сделал бы хода 2. ... K : f3 + с выигрышем пешки.

Настоящий случай тем более интересен, что ведь ход свой 1 . . . Kd4 я сделал с учетом угрозы выигрыша пешки, но сдвинув в уме при обдумывании варианта его короля, я забыл поставить его в уме на место, а затем представление, созданное зрительным воображением, помешало объективному восприятию местонахождения короля.

Данное нами объяснение приведенного случая не единственное, возможно и следующее объяснение: когда я обдумывал 1. ... Kd4, то я решил, что так как белые ответят 2. Kph2, то 2. ... K : f3 +- ничего не даст, и этот готовый вывод остался у меня в уме, хотя предпосылка (2. Kph2) не осуществилась.

Трудно, конечно, решить, какое объяснение правильно в конкретном случае. Во всяком случае, насколько я могу судить по собственному опыту, бывают моменты, когда представление, созданное зрительным воображением, вытесняет действительность.

Но если такие случаи не часты, то можно считать регулярным явлением, что передвижения в уме при обдумывании одного варианта мешает правильному представлению положения, получающегося в другом варианте. Ясно, что чем больше вариантов и чем длиннее варианты, тем большая возможность ошибок. Следует иметь в виду еще следующее. В длинном варианте с каждым делаемым в уме ходом создаваемая позиция все больше отрывается от действительности, и поэтому получающееся представление становится все бледнее и бледнее. Пусть даже у того или иного шахматиста с особенно сильным зрительным воображением имеется уверенность, что он может правильно представить себе в уме позицию, получающуюся в результате длинного варианта, но не может быть уверенности, что известная бледность представления не повлияет на правильную оценку позиции, получающейся в конце варианта. У каждого шахматиста бывает, что он, рассчитав правильно вариант, не может решить, выгоден ли он ему или нет, что, насколько я могу

судить по себе, объясняется в первую очередь недостаточной ясностью получающейся в уме картины. Мысль шахматиста связана со зрительными представлениями. Поэтому, чем отчетливее и ярче зрительная картина, тем легче и точнее работает мысль и тем богаче она.

С длинными вариантами связана еще следующая опасность: психическое напряжение при обдумывании длинного варианта столь значительно из-за необходимости ход за ходом фиксировать зрительным воображением изменения, что усталость от напряжения может сказаться на дальнейшей игре. Каждый шахматист-практик должен отдавать себе ясный отчет о роли зрительных представлений и об опасностях, с которыми неизбежно связан вариантный расчет, и сделать отсюда надлежащие выводы с учетом, разумеется, степени своего зрительного воображения.

Мы, со своей стороны, делаем следующие выводы. После хода противника нужно начать обдумывание не с готовых выводов, сделанных до того, а как бы заново и притом начать с того, чтобы запечатлеть взглядом получившуюся позицию, как бы сильно ни было развито зрительное воображение, но совершенно очевидно, что представление в уме бледнее зрительного восприятия. Поэтому, когда противник сделал ход, пусть даже ожидаемый, то никогда не следует (кроме, разумеется, случая крайнего цейтнота) без всякого обдумывания тут же сделать заготовленный ход на ожидавшийся ответ: ведь ход-то был заготовлен тогда, когда данная позиция была в воображении; весьма возможно, что теперь, когда после хода противника эта позиция уже непосредственно воспринимается со всеми своими особенностями, т. е. включая и ход противника, то в результате большей ясности картины явятся и новые мысли.

Следует соблюдать строгую внутреннюю дисциплину при обдумывании вариантов, в частности не бегать мыслью от одного варианта к другому, возвращаясь несколько раз к тому же, а установить сначала порядок обдумывания вариантов применительно к конкретной обстановке, затем постепенно переходить в уме от

одного варианта к другому, причем при обдумывании каждого варианта после каждого хода сделать в уме соответствующее передвижение, зафиксировав его зрительным воображением, и в конце варианта сделать резюме, и только после этого перейти к следующему варианту.

При установлении порядка обдумывания следует исходить из стремления к возможному сокращению количества и длины вариантов. В первую очередь следует рассмотреть наиболее опасный по первому впечатлению ответ на предположенный ход, и только, если будет найдена защита против этого опасного ответа, рассматривать, нет ли другого более скрытого ответа. Точно так же, если вариант через несколько ходов должен дать ясное решающее преимущество, то бесцельно удлинять в уме вариант рассмотрением деталей реализации преимущества.

Если свой ближайший ход совершенно необходим, а разветвления (варианты) начинаются после своего хода и ответного хода противника, то пока рано углубляться в варианты: после своего необходимого хода и ответного хода противника зрительная картина будет яснее, и легче будет обдумывать варианты. Сказанное применимо также и к случаю, если в варианте длиной например в 8 ходов после первых нескольких ходов возможно форсированное возвращение к первоначальному положению (повторение ходов). В этом случае рекомендуется без длительною обдумывания сделать первые несколько ходов, чтобы тогда уже обдумывать варианты до конца, и если они окажутся невыгодными, вернуться к первоначальному положению повторением ходов. В положениях не острых, где не может быть форсированных вариантов, расчет следует ограничить несколькими короткими вариантами для лучшего выявления особенностей позиции.

Если есть возможность выбора между двумя продолжениями, дающими примерно одинаковый эффект (уравнение, преимущество, решающее преимущество), то следует предпочесть то продолжение, в котором меньше вариантного расчета и, следовательно, меньше опасность ошибки. Этот принцип следует твердо проверить, отвергая всякую

"романтику". Если есть, напр., выбор между сведением игры к пешечному эндшпилю с лишней пешкой, с несомненным выигрышем, и многоходовой матовой комбинацией с разветвлениями, то разумнее выбрать первое продолжение: из турнирной практики известны случаи, когда объявивший мат в несколько ходов проигрывал затем партию, так как мат оковывался фиктивным.

Наши тезисы, и особенно последний, несомненно встретят возражение со стороны сторонников шахматной „красоты“. По нашему мнению, вариантный расчет – это только необходимая техника, и если можно упростить или облегчить технику, тем лучше. Красота же шахмат заключается во внутренней логике и богатстве идей, для выявления коих в большинстве случаев достаточно глубокого проникновения в позицию, расчет же нужен только для проверки правильности идей. Шахматы – игра целеустремленная: нужно с максимальной уверенностью добиться желательного результата. Вот почему мы считаем наш тезис правильным. Значение зрительных представлений для шахматного мышления столь велико, что не может не играть известную роль наличие обстоятельств, благоприятствующих зрительному восприятию, а именно: подходящее освещение во время игры, правильное соотношение между доской и фигурами, приятная для глаз окраска фигур. По личному опыту я знаю, что если во время сеанса одновременной игры освещение плохо, а фигуры окрашены в раздражающий цвет или непропорциональны доске, то результат сеанса даже против слабого состава бывает более неблагоприятный, чем в сеансе против более сильного состава при более благоприятных условиях зрительного восприятия. Полагаю, что шахорганизациям надлежало бы запросить специалистов физиологов и психотехников и, согласно их указаниям, выработать стандартный тип шахинвентаря.

"Шахматы в СССР" 1936, №1

Один из самых интересных шахматных лекторов в СССР

Был в начале XX века специфически игравший человек. Играл он интересно, был мастером. В начале века его противниками были Аарон Нимцович, Акиба Рубинштейн, Александр Алехин, Хосе Рауль Капабланка – что уже говорит об уровне проблем, которые возникали в его партиях.

Хотя крупных успехов он не добился, но стал знаменит своими лекциям в Москве для широкого круга любителей шахмат. До сих пор темы которых касался это мастер относятся к самым интересным и интригующим. Психологическая подоплёка побед и поражений!

Бениамин Маркович Блюменфельд (1886-1947), получил отличное образование юриста (в Москве и в Берлине). Также был кандидатом педагогических наук... Но вот в шахматах, помимо педагогики его очень увлекла психология.

Фактически Блюменфельд был первым человеком в СССР, который детально проводил исследование психологии реальных шахматных поединков. Именно в оптимизации психологической подготовки, а также в познании причин «слабой» игры – он видел возможности для повышения шахматной квалификации.

Лекции его собирали огромное число слушателей, читал он их вдохновенно и очень интересно. По слухам туда приходили и бабушки совершенно не умеющие играть, и пионеры, и люди с заводов/фабрик.

Сам впервые прочитал его лекции в журнале «64» в конце 80-х. Очень понравились!

– Доступный язык,

– хорошие примеры из практики,

– и сам материал был смутно понимаем любым практиком на

подсознательном уровне, получал в лекции удобную и ясную форму

Я решил что некоторые из лекций Блюменфельда будут интересны к прочтению. Иногда буду их публиковать тут.

Психология игры, психология ошибок, тайны мышления шахматиста- эта та область исследование которой волнует не только шахматных игроков.

Мне как тренеру было интересно ознакомиться с ними вновь. Особым пунктом в сегодняшней лекции отметил бы наглядную агитацию Блюменфельда за обширную ЛИЧНУЮ практику игры. Почитайте! Играть нужно непременно! Эффект от совмещения игры и тренировок на основе своих партий- гораздо выше, чем просто слушать тренера или читать книги.

Статья-лекция «О методике преподавания шахматной игры». (Предупреждение! Первые два абзаца сложновато читаются, но не бросайте- это необходимая подводка)

«Важнейший вопрос о методах преподавания шахматной игры теоретически не разработан. Обмен опытом в этой области также ничтожен, и мне представляется своевременным поделиться некоторыми соображениями, которые могут послужить материалом для обсуждения вопроса.

Основной целью преподавателя научных дисциплин является усвоение учащимися определенных знаний. Приобретенные знания практически применяются обычно в спокойной, кабинетной обстановке. Их применение не представляет особого труда, если они восприняты сознательно и активно.

Иначе в шахматах. Шахматы – игра и объективные ценности ими не создаются. Здесь дистанция между знаниями и умением их использовать на практике весьма велика. Шахматные знания применяются не за письменным столом, а в соревнованиях. **Во время турнирной партии шахматист помнит только то, что ярко запечатлелось в памяти.** Яркость же впечатлений присуща в первую очередь пережитому в практической игре.

Приведу характерный случай. Мне пришлось вместе с Н. Н. Рюминым комментировать 20-ю партию первого матча Алехин – Боголюбов. Работа потребовала несколько недель ввиду сложности анализа решающих моментов партии. Примерно через год мне понадобилось восстановить критическую позицию из этой партии. Без обращения к книге я этого сделать не мог. Позицию же из практической партии, сыгранной с тем же Рюминым также год назад, я восстановил по памяти.

Заинтересовавшись этим, я проделал над Рюминым аналогичный опыт, который дал тот же результат: положение из практической партии со мной он моментально расставил на доске, хотя на обдумывание его во время игры он потратил всего несколько минут, а позиции из матча Алехин – Боголюбов, над которой он работал много часов, восстановить не смог.

Если так бледно впечатление и недолговечны следы от самостоятельной теоретической работы по сравнению с практической игрой, то еще во много крат бледнее впечатление от воспринятого на занятиях. По моим наблюдениям и высказываниям отдельных товарищей, преподающих шахматы значительнейшая часть показанного и как будто хорошо понятого на занятиях материала не приносит пользы при турнирных выступлениях.

Методика должна быть тесно увязана со спецификой игры. Задача преподавателя шахмат заключается прежде всего в том, чтобы организовать накопление опыта учащимися, помочь им извлечь максимум пользы из практической игры. Отсюда вытекает основная установка. Практика должна рассматриваться как исходный момент для всех методических указаний. Учиться и совершенствоваться надо в процессе игры. Поэтому следует отвергнуть преподавание шахмат в виде систематического курса лекций или практических упражнений в различных стадиях партии по определенной программе.

СУЩЕСТВУЮТ следующие этапы творческого развития шахматиста:

А. Безыдейная игра, в которой отдельные ходы делаются по случайным мотивам.

Б. При выборе хода шахматист учитывает только очевидный ответ противника и руководствуется слишком общими, элементарными соображениями с минимальной их конкретизацией.

В. Увлечение первой замеченной комбинацией или ловушкой.

Г. Учет общей перспективы, однако без достаточной конкретизации.

Д. Детальный расчет важнейших вариантов, возможный, конечно, только при высоком уровне общего понимания.

Е. Экономное мышление, умение сочетать общие формулировки, достаточно убедительные в конкретной позиции, с расчетом вариантов до конца там, где это нужно.

Иллюстрируем различные этапы шахматного творчества на примере, где имеется выбор только между двумя продолжениями.

ТАРТАКОВЕР – РЕШЕВСКИЙ

Ноттингем, 1936 г.

Как белым ответить на 1... С: d2+? Брать им слона ладьей или королем? Постараемся проследить ход мыслей шахматистов разной

квалификации.

А. Ответ не мотивирован и обусловлен случайными соображениями, не характерными для позиции.

Б. При любом ответе противник возьмет моего коня g5. Пусть уж лучше мой король будет в безопасности. Побью ладьей.

В. Коня g5 я проигрываю. Неприятно, конечно, выводить короля, но после 2. Кр: d2 черные попадутся в ловушку: 2... hg 3. hg К: e4+ 4. Ф: e4. Сыграю поэтому 2. Кр: d2, авось выскочу!

Г. Если партнер побьет коня g5, я возьму hg и получу атаку. При 2. Кр: d2 я ставлю ловушку, но неприятен вариант 2... К: d5 3. ed Kd4 4. Фd3 Лe2 + . Следовательно, целесообразнее ответить 2. Л: d2, оставляя своего короля вне опасности.

Д. Ответ 2. Кр: d2 заслуживает предпочтения ибо:

1) он связан с ловушкой;

2) не страшно 2. Кр: d2 К: d5 3. ed Kd4 4. Фd3 Лe2+ 5. Крс1 Л: c2+ 6. Крb1;

3) преимущество хода 2. Кр: d2 скажется в вариантах 2... hg 3. hg К: d5 4. Лh8 Кре7 5. Л: e8+ Кр: e8 6. Лh1 с атакой за фигуру и практическими шансами, или, что может быть еще сильнее, 3. К: f6 (вместо 3. hg) 3... gf 4. hg fg 5. fg Феб 6. Фf6 Ф: f6 7. gf Крг8 8. Лh3 с последующим сдвоением ладей и вероятной ничьей (например: 8... Ке5 9. Лdh1 Kg6 10. Лh7 Ле6, 11. Лg7+ Кpf8 12. Л: g6).

Е. Надо брать королем, чтобы иметь возможность после взятия коня g5 скорее сдвоить ладьи по линии h.

В ловушку партнер, конечно, не попадет, но и в варианте 3. ed Kd4 4. Фd3 Лe2+ 5. Крс1 Л: c2+ 6. Крb1 получаю шансы, так как повисают его фигуры. Во всяком случае 2. Л: d2 совершенно безнадежно: я не получу реальной атаки за потерянную фигуру. Значит, надо, не вдаваясь в дальнейшие детали, решиться на 2. Кр: d2.

Разумеется, переходных ступеней – бесконечное множество, и точной грани между ними провести нельзя, но в общих чертах наше деление соответствует основным этапам шахматного совершенствования.

Усилия преподавателя должны быть направлены к тому, чтобы его ученики постепенно, по мере накопления опыта, переходили от низших этапов к высшему, доступному им по их природным данным. Было бы грубой методической ошибкой стремиться искусственно перескочить через низшие ступени творчества.

Особо следует остановиться на значении общих формулировок. Они освобождают шахматиста от излишних расчетов за доской и облегчают нахождение конкретных возможностей. Но если общие соображения превращаются в догмы, то они вредны, ибо приучают к верхоглядству. Полезны только те общие формулировки, которые опираются на практический опыт шахматиста на определенной ступени его квалификации... „

«Переходим к конкретизации методов преподавания. Мне кажется, с самого начала надо исходить из установки на практические занятия. Ознакомлению с ходами фигур и основными правилами достаточно посвятить минут 15–20. После этого, не загромождая память начинающих различными упражнениями и шахматной нотацией, надо позволить им под наблюдением преподавателя немедленно приступить к игре. Никаких указаний, как целесообразно играть, на этой стадии давать не нужно.

После того как начинающий освоился с доской, следует планомерно приучать его к мотивировке ходов, постепенно знакомя с азами во всех стадиях партии. Например, преподаватель предлагает ученику сыграть с ним. Новичок, естественно, развивает игру совершенно нелогичным образом: двигает крайние пешки и затем выводит ладьи, прыгает конями по доске в поисках добычи и т. п. Преподаватель тем временем систематически развивается и, скажем, объявляет мат на f7. Полученный мат запечатлевается, – и несравненно сильнее, чем продемонстрированный на занятиях. Или преподаватель, наблюдая за партией двух начинающих, указывает на простейшие упущенные возможности. Или в позиции, получившейся у двух учеников, преподаватель заменяет одного из них и легко выигрывает, а затем

предлагает поменяться цветами и добивается ничьей.

Последний метод особенно рекомендуется в эндшпильных позициях, где изучающий обнаруживает беспомощность заматовать противника. Применимо это и в миттельшпиле. Скажем, у одного из играющих значительный материальный перевес. Преподаватель заменяет слабую сторону и планомерной атакой против неприятельского короля выигрывает.

Уже на самых первых порах можно давать общие (доступные) формулировки. Например, после изучения на практике, как заматовать короля ладьей и королем, дается формула: мат достигается путем оттеснения неприятельского короля на край доски при противостоянии королей. Эта формула, данная как вывод из практики, наталкивает мысль на самостоятельное нахождение ходов, посредством которых достигается оттеснение короля и противостояние королей. Используя случаи, когда у одного из противников остается одна пешка, можно пройти простейшие пешечные концы и объяснить значение темпа.

В области дебюта надо постепенно знакомить с основными принципами развития, воздерживаясь в течение определенного периода от объяснений значения центра. Разумеется, много внимания должно быть уделено элементарным комбинациям в дебюте, особенно в связи со слабостью пункта f7, диагоналей h5 – e8 и h4–e1. В миттельшпиле следует сперва изучить несложные матовые атаки и типовые комбинации.

Показ коротких партий или отдельных позиций надо применять с соблюдением следующих неперемennых условий: должна существовать аналогия по идее с только что встретившимся за доской вариантом; пример должен быть взят из какой-либо партии или из этюда, близкого по характеру к практической игре, должен быть ярок и доступен для данного уровня развития по идее и по вариантному оформлению.

На той же стадии усвоения минимума нужно изучить элементарные приемы, облегчающие технику расчета (правило квадрата и т. п.). Когда минимум усвоен – ознакомить занимающихся с нотацией.

Очень полезен разбор партий после игры. Проигравший обычно стремится доказать, что он потерпел поражение вследствие случайной оплошности, а выигравший – что он победил благодаря хорошей игре. Этот естественный интерес к собственной партии, когда еще не успел остыть пыл борьбы, преподавателю следует максимально использовать. Разумеется, желательно присутствие и других членов кружка при таком коллективном анализе.

Очень полезны консультационные партии, во время которых происходит живой обмен опытом: здесь особенно важно, что каждый консультант должен обосновывать перед другим предложенный ход. Таким образом вырабатывается привычка к разумной мотивировке ходов. Надо широко использовать сеансы. Если преподаватель, давая сеанс, встретится с поучительной позицией или ошибкой, он должен предложить участнику записать положение, а затем по окончании сеанса в присутствии других участников разобрать пример.

Показ партий и отдельных позиций на этом этапе может применяться чаще. Для шахматистов низших квалификаций весьма полезны партии Морфи, где его противники допускали типичные ошибки, которые эффектно и убедительно использовались. Когда происходит какое-либо выдающееся состязание, надо практиковать демонстрацию отдельных Партий, иггранных в нем. Но при этом не нужно показывать сверхтонкостей, а обращать внимание на вполне понятные и поучительные моменты.

Лекционный метод, мне кажется, должен преследовать цель подведения итогов практических занятий и разработки таких тем, как «Основные понятия о дебюте», «Типы комбинаций», «Атака позиции рокировки» и других.

На занятиях с кружком высшей квалификации, примерно с третьей категорией, возможно еще большее разнообразие в методах преподавания. Чаще надо применять демонстрацию партий. Можно ввести совместную читку шахматной газеты с критическим подходом к помещенным в ней комментариям. Чрезвычайно полезны письменные анализы отложенной партии с последующим сопоставлением и критической оценкой анализов обоих противников. Возможны тематические турниры по определенному дебюту, тематические сеансы с часами, доклады слушателей на заданную

тему. Шахматистам не ниже второй категории полезно поручать составление комментариев к партии с последующей критической их оценкой со стороны преподавателя.

В рамках настоящей статьи я лишен возможности подробно останавливаться на методических вопросах, касающихся изучения отдельных стадий игры. Ограничусь поэтому лишь краткими замечаниями.

В области дебюта отнюдь не следует стремиться к ознакомлению со всеми началами. Бесплезно и даже вредно изучение дебютных вариантов оторвано от партии в целом и от практической игры. Значение центра нужно выявлять постепенно, по мере роста шахматиста. Доступнее и нагляднее всего роль подвижного центра; значение господства над центральными полями может быть изучено на обильном практическом материале. Представляется методической нелепостью распространенное во многих кружках преподавание современных дебютных вариантов шахматистам низшей и даже средней квалификации.

В области миттельшпиля. Главнейшая ошибка здесь заключается в раздельном преподавании тактики и стратегии, то есть комбинационных и позиционных принципов. Углубление позиционного понимания должно идти параллельно с развитием искусства комбинирования. В частности, такие важнейшие позиционные понятия, как открытые линии, слабые пункты, лучше всего первоначально изучать на примерах комбинаций. Также на примере комбинаций может быть дана общая формулировка существеннейшего стратегического момента – значения превосходства сил на отдельном участке.

Надо приучать к оценке позиции в целом с учетом всех ее особенностей при выработке конкретного плана. Оценивать позицию необходимо по опоре деленному методу, учитывая материал, положение королей, преимущество в центре, слабости, открытые линии, подвижность фигур, проходные пешки, конкретные возможности. Оценка позиции должна быть продумана до конца, с таким расчетом, чтобы все отмеченные в ней моменты выявились в дальнейшем течении партии.

Как пример, приведем положение из партии ВИНТЕР – АЛЕХИН
Ноттингем, 1936 г.

Материально силы равны. У белых ослаблена позиция рокировки вследствие того, что продвинута пешка с. У них «плохой» слон е3, стесненный собственными пешками, белые кони мешают друг другу, а у коня g3 вообще нет хороших полей. Попытку белых перевести коня е2 через g1 и f3 на поле е5 противник может предупредить ходом f7–f6. Единственная открытая линия е скорее может быть занята черными ввиду загромождения ее белыми фигурами. В центре – равновесие, но черные более надежно владеют пунктом е4, чем белые пунктом е5. Помимо слабости на е4, у белых слаб также пункт е3. Если черным удастся парализовать попытку белых активизировать свою игру движением f4–f5, то их позиционное преимущество станет решающим.

Для того чтобы научить правильно оценивать позицию, очень полезен рекомендуемый Нимцовичем метод «сенсаций». Поясним его на примере другой партии того же турнира.

ВИДМАР – ЭЙВЕ

Шахматист средней квалификации в первую очередь обратит внимание на обнаженное положение черного короля и на этом основании отдаст предпочтение позиции белых или, в лучшем случае, расценит ее как равную. Между тем партия безнадежна для белых. Обнаженное положение черного короля реально не может быть использовано противником. У черных преимущество двух слонов и значительное пешечное превосходство на ферзевом фланге, у белых ослаблены белые поля при отсутствии белопольного слона.

В партии последовало: 1. Сс3 b5 2. Ла1 c5 3. Фс1 (уклоняясь от размена ферзей после c5–c4) 3... c4 4. Ке1 Сb7, и белые беспомощны против угрозы Фе4. Через два хода – 5. Кf3 g4 6. Кg5 Фf5 – они сдались. То, что позиция, с точки зрения неопытного шахматиста, безопасная для белых, развалилась в четыре хода, произведет сенсацию, и значение пешечного превосходства на ферзевом фланге и слабости полей рокировки ярко запечатлится.

В области эндшпиля объем минимума знаний, обязательных для достижения средней силы в игре, сравнительно невелик. Тонкости эндшпиля доступны только сильным шахматистам и могут быть усвоены с пользой для практики лишь при повышенном интересе к ним, например при анализе собственной отложенной партии. Для правильного учета шансов в сложном эндшпиле, где у каждого из партнеров имеется более одной фигуры, важны общие формулировки с выводами по каждому типу простого эндшпиля».